

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МИКЕНОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

(Брно, апрель 1966 г.)

Выдающееся открытие молодого английского ученого Михаила Вентриса, расшифровавшего в 1953 г. крито-микенские надписи XIII—XII вв. до н. э., положило начало развитию новой и весьма многообещающей отрасли науки об античности — микенологии. С каждым годом растет число стран, в которых появляются исследования по микенологии, и число ученых, занимающихся ее проблемами.

Согласно данным, опубликованным в связи с десятилетием дешифровки, за период с 1953 г. по 1956 гг. вышло в свет 155 работ 61 автора, в 1957 и 1958 гг. — 277 работ 91 автора, в 1959 и 1960—443 работы 123 авторов почти из 30 стран¹. В изучении крито-микенских текстов и связанных с их дешифровкой проблем принимают в настоящее время участие крупнейшие языковеды, историки, литературоведы, археологи и диалектологи античности. После первой международной встречи во французском городке Жиф-сюр-Ивет в 1956 г. съезды и симпозиумы микенологов стали хорошей традицией. В 1958 г. они собирались в Италии, в 1959 г. — в Англии, в 1961 г. — в США, в 1962 г. — в Греции и т. д.

Очередная встреча микенологов состоялась с 12 по 14 апреля 1966 г. в Чехословакии, в гор. Брно, в рамках международной научной конференции «Античность и современность», организованной Чехословацкой Академией наук и Министерством образования и культуры ЧССР. Инициатором этой встречи была кафедра античной культуры университета им. Пуркине (гор. Брно) и, в частности, ее глава — Антонин Бартонек.

Микенологический симпозиум, впервые собравшийся в одной из стран социализма, привлек внимание большого числа ученых. В его работе приняли участие: Дж. Чадвик и Р. Крослэнд (Англия), О. Семерены и А. Хойбек (ФРГ), М. Дорна и С. Кальдероне (Италия), Ж.-П. Оливье и Л. Дерау (Бельгия), Я. Харматта (Венгрия), М. Петрушевский (Югославия), А. Бартонек (Чехословакия), И. Фишер и Ч. Погирек (Румыния) и другие.

На заседаниях симпозиума было заслушано свыше 20 докладов. Их проблематика отражала различные аспекты микенологических исследований.

Первая группа докладов была связана [с изучением кносского и пилосского архивов, вторая — с исследованием общественно-политического строя микенского общества, в третьей рассматривались вопросы диалектологического характера, четвертая — была посвящена языковой интерпретации крито-микенских надписей, пятая — развитию микенологии в социалистических странах].

Открывая симпозиум, председательствующий М. Петрушевский (Скопле) от имени его участников обратился с приветствием на греческом языке к признанному главе микенологических исследований, сподвижнику М. Вентриса — английскому ученому Дж. Чадвiku.

Дж. Чадвик (Кэмбридж) выступил затем с докладом на тему «Организация микенских архивов». В настоящее время, отметил докладчик, в нашем распоряжении имеется свыше 3 000 табличек линейного письма *B*, если не считать нескольких сот более мелких фрагментов. За редким исключением, отдельные таблички не составляли сами по себе самостоятельных документов. Они были задуманы как часть серии, которая могла включать сотню или больше надписей. Нам известны некоторые такие серии, составляющие единый документ. Сюда можно, например, отнести пилосскую серию *Ta*, содержащую описи сбруи и другого снаряжения, или серию *oka*, касающуюся дозорной службы в прибрежных районах. Каждый из этих документов состоит из определен-

¹ См. J.-P. Olivier, Le mycénien à la veille du dixième anniversaire de son déchiffrement par M. Ventris. «Revue de l' Université de Bruxelles», t. 15, 1962—1963, № 1—2, стр. 40.

ного числа табличек приблизительно одинаковой формы; первая из них выделяется благодаря вводной рубрике, не повторяющейся в остальных. К сожалению, у нас нет никакой гарантии, что расположение всех остальных табличек правильное. Лишь в очень редких случаях удалось при раскопках сохранить первоначальное местоположение табличек, как это получилось с кносской серией Рр.

До сих пор микенологи придерживались классификации надписей, предложенной еще до дешифровки крито-микенских текстов американским исследователем Э. Беннеттом. В ее основе лежит принцип учета идеограмм и повторяющихся в тексте формул; каждая надпись обозначается двумя буквами латинского алфавита, первая из которых указывает на соответствующую серию. Однако, подчеркнул Дж. Чадвик, пришло время с учетом данных расшифровки модифицировать прежнюю систему классификации табличек, заменив, где это возможно, деление по сериям делением по так называемым комплектам (*sets*). Комплект — это группа надписей, которые по замыслу тех, кто их сочинял, должны были составлять единый документ. На это указывает и система хранения табличек в ящиках или корзинах с соответствующей, определяющей их содержание, биркой. В связи с этим важное значение приобретает выяснение и уточнение первоначального расположения каждой таблички. Можно предполагать, что в восстановлении пилосских комплектов определенную помощь окажет до сих пор не опубликованный дневник раскопок.

Однако, что касается Кносса, пожар и разрушение дворца привели к несомненному нарушению условий хранения табличек. Становится поэтому необходимым восполнить отсутствие информации о месторасположении надписей другими способами. Первым и наиболее очевидным является установление общности содержания. Другим способом следует считать изучение почерков (рук) различных писцов. Эта работа была начата Э. Беннеттом с пилосскими текстами и блестяще продолжена Ж.-П. Оливье — с кносскими. Благодаря изучению почерков Ж.-П. Оливье удалось выявить ранее не замеченные связи между целым рядом табличек. Третий путь получения дополнительной информации — изучение внешних свойств табличек: их размеров, формы, величины знаков. Можно предполагать, что таблички одного комплекта имели в основном одинаковую форму и размер, а иногда были и одинакового цвета. Вместе с тем следует иметь в виду, что некоторые надписи могли содержать вымышленные имена и факты. Дело в том, что проходящие обучение будущие писцы практиковались, несомненно, в производстве и надписывании табличек. Такие тексты очень трудно отличить от настоящих документов. Не исключено, что именно к этой группе относится табличка X 114, текст которой — идентичный с обеих сторон — мог быть написан красиво и ровно инструктором на одной стороне, неумело и неуклюже учеником — на другой.

В заключение своего доклада Дж. Чадвик отметил, что путь к пересмотру классификации табличек открыт и можно ожидать, что перегруппировка накопленного материала даст микенологам новую дополнительную информацию. Изучение в этом плане кносских документов усиленно ведется в настоящее время в Кембридже.

Доклад Ж.-П. Оливье (Брюссель) был посвящен кносским писцам. На основании палеографического изучения надписей, найденных в Кноссе, автор приходит к заключению, что из 3500 изданных и издаваемых в настоящее время табличек 2500 (т. е. 72%) можно отнести за счет 41 «основной» и 25 «второстепенных» рук. Число кносских писцов удается определить при этом лишь приблизительно — от 50 до 100. Они были распределены по ряду бюро, выполнявших определенные виды работ. По предварительным и находящимся еще в стадии экспериментальной проверки данным в кносском дворце работали: 1) два неспециализированных (или, по меньшей мере, с неустановленной до сих пор специализацией) бюро; в первом, расположенном в «Комнатах повозочных табличек», обнаруживаются следы работы почти 10, во втором («Площадка с бычьим рельефом») — свыше 40 писцов; 2) два бюро специализированных, одно в отделе текстильного производства (прием шерсти, ее выдача для переработки, прием готовых изделий), другое в отделе, обслуживающем потребности культа (регистрация приношений, прием ароматических продуктов, пряностей, меда, масла); в первом (северная часть «Западных складов») насчитывалось свыше 10, во втором (восточная часть «Длинного коридора») — чуть меньшее число писцов; 3) два специализированных бюро в отделе овец (на нем базировалось производство текстиля); в первом (южная часть «Западных складов») было пять, во втором («Восточно-западный коридор») — три писца, у одного из которых имелось в активе 500 табличек; 4) специализированное бюро в отделе личного учета (в восточной части центрального двора), в нем было три писца; 5) бюро, специализировавшееся на учете повозок, колес, различного оружия («Арсенал»), при нем находилось четыре писца.

Уже на настоящей стадии изучения вопроса есть основание думать, что ни одно из бюро не было географически специализированным; каждый писец отвечал за небольшой участок хозяйства; писцы были, как правило, прикреплены к одному бюро; кое-где у бюро имелась своя «графическая традиция»; часть табличек следует отнести за счет учителей, часть — за счет учеников; возможно, во дворце не было специальной школы, и ученики обучались по месту работы.

В заключение своего доклада Ж.-П. Оливье присоединяется к высказанному Э. Беннеттом и Дж. Чадвиком мнению относительно «статута» писцов. Последние были, по-видимому, скорее умеющими писать и отвечающими за различные участки дворцового хозяйства служащими, чем писарями в прямом смысле этого слова. Этот вывод подтверждается как сделанными выше наблюдениями, так и тем обстоятельством, что штат в 75—100 писарей был, несомненно, слишком большим для кносского дворца.

С. Кальдероне (Катания) выступил с докладом «Замечания к истории некоторых политических идей от Микен до Гомера». Автор задается вопросом, что нового внесли крито-микенские тексты в наше понимание терминов πόλις, δῆμος, βασιλεύς. На основании свидетельств Гомера и Фукидова мы создали себе картину небольших πόλις (со своими δῆμοι), организованных в соответствии с их аграрной и генетической структурой и возглавляемых басилеями. Δῆμος обозначает у Гомера, прежде всего, «использованный земельный участок», πόλις — «поселок, поселение». В сочетании δῆμος τε πόλις τε преобладает, таким образом, топографическое значение. Хотя δῆμος обозначает также «жители, народ», он, как и термин πολίτης, не обладает еще у Гомера никаким политическим смыслом. В крито-микенском дамо топографическое значение кажется преобладающим. На это указывают антропонимы Eudamo (KN B 799), Eurudamo (KN X166). С. Кальдероне приходит к выводу, что термином дамо обозначались в Пинесе земельные участки, разделенные на κτονιαι, владельцы которых именовались κτοinookhoi.

Докладчик возражает против перевода микенского предлога παρό с дат. пад. как «от» и предлагает переводить παρό κοτόνα (Еа 817) — «в ктойне», παρό δαμο — «в деме». Он считает неудачной попытку приравнять микенское παρό (с дат. пад.) к кипрскому ἀπό или εἰς с дат. пад. ввиду их явного семантического различия. По его мнению, перевод термина κεκεμέна как «расположенные» неточен. Κτοιναι κεκεμεναι противопоставляются в табличках κτοιναι κτιμεναι, следовательно, κεκεμена нужно понимать как «не заселенные, не использованные», а возможно, и «покинутые, оставленные». Если это так, то слова κακεμένοι ωντευ (Na 395) могут означать «поскольку поселение было покинуто (жителями)». С. Кальдероне пытается уточнить значение слова πασιρευ в микенском обществе. Термины βασιλεύς, αναξ (к ним можно добавить и λαχέτας), еще столь функционально различные в микенское время, становятся в гомеровских поэмах трудно различимыми, взаимозаменяемыми. У Гомера βασιλεύς — царь παρό excellence, в крито-микенских текстах он — лишь должностное лицо, служащий, отвечающий за группу кузнецов (серия Jn), а πασιρεωια (Fn 50) не что иное, как «производственное хозяйство» (industrial establishment — Палмер). Это приводит к мысли, что γένη в микенскую эпоху были центрами, контролировавшими производство и переработку металлов. В результате крушения политической структуры Микенского государства победу одерживают γένη: к тем, кто контролирует снабжение металлами и производство оружия, переходит и политическая власть.

И. Тегеи (Дебрецен) посвятил свое выступление вопросу о пилосских сообществах («The communities of Pylos»). Одной из наиболее интересных проблем, связанных со структурой микенского общества, является, говорит докладчик, эволюция родовых институтов в государственные. Статут некоторых из них, упоминаемых в микенских документах XIII в. до н. э., во многом напоминает аналогичные статуты в монархиях Ближнего Востока, в Алалахе и Угарите, где задачи государства были в общем идентичны: сбор налогов, распределение земли и т. д. Ремесленники Пилоса, — как и ранней Месопотамии — были организованы в союзы и несли коллективную ответственность за уплату налогов и выполнение других обязанностей. Рабочие группы представлены в упомянутых документах прежде всего в Ап-таблицах, однако в большинстве случаев не удается определить, идет ли речь о сообществах с коллективной ответственностью. Это могли быть группы индивидуальных ремесленников без обязательного объединения в постоянные корпорации. Наиболее четко нам представляется статут кузнецов (серия Jn). Они работают и индивидуально и группами, объединяясь в небольшие закрытые сообщества. Πασιρεωи и κεροσιа имеют непосредственное отношение к обработке металлов. В таблице Vn 10 упоминаются διρυτόμο (брютό: «древески»), их местом работы является повозочная мастерская. Требует уточнения значение слова πάγορος (ср. гл. ἀτείρω «собирать»), и интерпретировать его как рабочую группу, производящую оси и другие детали повозок. Таблица Ma 90 упоминает рядом с κακεμένοι «кузнецы» еще и κιρεω. Есть основание думать, что это не название этнической группы, а наименование ремесла или промысла. И. Тегеи приходит к выводу, что в демах (δαμο) Пилосского царства общие обязанности и совместный труд объединенных в группы ремесленников могли играть уже более значительную роль, чем родовые институты и родственные связи.

Л. Деруа (Льеж) в своем докладе «Новая интерпретация табличек ока» возражает против предложенной несколько лет тому назад и общепринятой в настоящее время гипотезы Л. Палмера и Г. Мюлештейна. Согласно этой гипотезе, таблички Ап 657, 661, 519, 654, 656 содержат сведения, относящиеся к военной защите прибрежных рай-

онов Мессении. В табличках перечисляются свыше 800 человек, которые действовали в десяти секциях, называемых ока. Речь идет, несомненно, о какой-то организации, обслуживающей значительную территорию. Однако это не военная организация, говорит Л. Деруа. Заголовок таблички Ап 657: οὐργοῦ ὀρίστρα ερικόνо он предлагает читать как **ώργυτοι *όρπιάρχες έπικουροι* и переводить «так помощники взимают налоги (повинности)». Термин ока следует понимать как *έχα* (*έχτη*) «прием» (ср. гл. *έχειν*), затем «пункт приема (приемщика)». Таким образом, мы имеем в табличках ока дело с организацией, выполняющей отнюдь не военные, а административные и финансовые функции.

Я. Харматта (Будапешт) в своем докладе «К проблеме Ахийява» сделал интересную попытку новой интерпретации термина Ахийява с учетом данных хеттологии, с одной, и миленологии, с другой стороны.

В докладе *P. Крослэнда* (Шеффилд) были рассмотрены в сравнительном плане некоторые явления хеттского и миленского общественного и государственного строя. Среди лингвистических сообщений внимание участников симпозиума привлек, прежде всего, доклад *O. Семеренни* (Фрейбург) «Сравнительная степень прилагательных в миленском и историческом греческом языке и ее индоевропейская основа». Крито-миленские тексты значительно обогатили наши сведения о греческом языке. Они сохранили до нас ряд явлений, утраченных впоследствии и не представленных уже в гомеровских поэмах. В области фонологии сюда относятся лабио-велярные, в области морфологии — перфектное причастие, в котором еще отсутствует характерный для позднейшего греческого суффикс -τ-. О. Семеренни подвергает анализу встречающиеся в кносских и пилосских надписях формы сравнительной степени греческих прилагательных и показывает, что они не только архаичнее более поздних, известных нам издания форм, но и позволяют в ряде случаев уточнить, а кое-где и опровергнуть наши прежние представления об их индоевропейских прототипах.

K. Рейх (Руигх) (Амстердам) посвятил свое выступление рассмотрению термина *amatejana* (de) (PY Vn 10.2) «колесная мастерская»; *M. Жерар* (Льеж) — анализу слов *etive* (PY Fr 1209) и *aetito* (PY Fr 1200), первый из которых он предлагает переводить «отфильтрованный», второй — «неотфильтрованный»; *P. Ватле* (Watle) (Льеж) — рассмотрению глаголов *έρω* и *έρωμα*: в миленских текстах и в формулах греческой эпопеи.

M. Петрушевский остановился в своем докладе на одной из фонетических особенностей пилосских надписей — чередование гласных *ι* : *ε* (*apidoke* : *apedoke*) — и высказал предположение, что ее появление в греческом языке связано с влиянием додревеского (пеласгического?) языкового субстрата. *M. Дория* (Триест) рассмотрел в своем выступлении особенность миленской графики, заключающуюся в написании *r*, *k*, *t* в группах *sr*, *sk*, *st* (*rei* ~ *σφείς*, *koino* ~ *σχοῖνος*, *repta* ~ *σπέρμα*), и предложил новое объяснение этому явлению. *И. Фишер* (Бухарест) сделал сообщение об опыте исследования статистическим методом взрывных согласных в миленском греческом диалекте и выявленных им при этом закономерностях.

A. Бартонек (Брюно) выступил с докладом «Греческая диалектология после дешифровки линейного письма В». Проанализировав развитие греческой диалектологии за прошедшие 13 лет, докладчик указал, что в настоящее время определилось несколько точек зрения относительно характера «миленского диалекта». Это, во-первых, минималистская теория, отождествляющая миленский с аркадско-кипрским (Адрадос). Это, во-вторых, теория, рассматривающая миленский как диалект аркадско-кипрско-аттико-ионического типа (Пизани, Риш, Чадвик). Это, в-третьих, теория об аркадско-кипрско-эолийском характере миленского (Палмер, Товар, Лурье). Это, в-четвертых, теория миленской *κοίνη*, т. е. смешанного языка, базирующегося на ионийско-эолийском (Георгиев), ахейско-ионийском (Гринбаум). Какая из этих теорий наиболее близка к истине, пока еще определить трудно. Выяснению этого могло бы способствовать разрешение миленологами целого комплекса проблем. Первая группа этих проблем касается происхождения диалектных различий в архаическом греческом языке, вторая — образования и характера самого «миленского диалекта», третья — возможного влияния «миленского» на диалекты классического периода.

В докладе «Крито-миленские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики» *H. С. Гринбаум* (Кишинев) поставил вопрос о привлечении данных миленологии к решению проблемы формирования языка греческой хоровой лирики. Основываясь на анализе Пиндаровых сложных имен с глагольной основой, встречающихся в крито-миленских текстах и не представленных у Гомера, докладчик пришел к выводу о том, что источники, питающие язык древнегреческой хоровой лирики, могли быть в ряде случаев древнее гомеровских поэм.

K. П. Коржева (Алма-Ата) сделала сообщение на тему «Крито-миленское общество в советской историографии», ознакомив участников симпозиума с основными проблемами миленологии, над которыми работают советские историки, и с их трудами по миленской эпохе.

Последним докладчиком был *A. Бартонек*. Он сообщил о миленологических исследованиях в социалистических странах, входящих в комитет «Эйрене», и подчеркнул,

что ученые этих стран уже внесли и продолжают вносить свой вклад в изучение крито-микенских текстов. Наглядным этому подтверждением служат работы В. Георгиева (Болгария), Я. Харматты и К. Мароти (Венгрия), Г. Гейсса (ГДР), Я. Сафаревича (Польша), А. Френкиана и А. Граура (Румыния), Б. Грозного и Л. Згусты (Чехословакия), М. Петрушевского и П. Илиевского (Югославия) и многих других. А. Бартонек отметил заслуги советских исследователей в области микенологии. В до-вентрисовский период постоянный интерес к ее проблемам проявляли А. И. Тюменев и С. Я. Лурье. Я. А. Лепцман был одним из первых, кто в 1954—1955 гг. познакомил советскую научную общественность с результатами открытия М. Вентриса. И. М. Тронский высказывался в 1958 г.— в период антиVENTRISOVSKAYI кампании на Западе — за изучение крито-микенских надписей, видя в этом одну из важных задач советской классической филологии. Развитие микенологии в СССР, сказал далее докладчик, идет в двух направлениях. Это, с одной стороны, языковые исследования (Лурье, Гринбаум), с другой,— исторические (Лурье, Лепцман). Особо следует отметить труд С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции» — единственный пока критический обзор микенской культуры, изданный в странах комитета «Эйрена». Заслуживает внимания и единственная в своем роде книжка для детей на микенологическую тему «Заговорившие таблички», написанная С. Я. Лурье.

С заключительным словом к участникам микенологического симпозиума обратился Дж. Чадвик. Указав на плодотворность работы конференции и ее значение для расширения контактов между микенологами различных стран, он выразил сердечную благодарность оргкомитету и его председателю А. Бартонеку за гостеприимство и хорошую организацию симпозиума. Дж. Чадвик призвал к дальнейшей координации усилий ученых всех стран для решения стоящих перед микенологами ответственных задач.

Н. С. Гринбаум